

Без купюр

Диктофон еще не включен, и у меня есть время представить своего собеседника. Андрей Викторович Караулов. За его плечами — а ему всего 35 лет — немалая творческая жизнь и можно смело сказать, уже большая известность.

Выпускник театроведческого факультета ГИТИСа, кандидат искусствоведения, бывший сотрудник журналов «Огонек», «Театральная жизнь», «Наше наследие», «Независимой газеты», автор многих статей по проблемам искусства и книг «Театр, 80-е», «Олег Иванович Борисов» и других, Андрей Караулов сейчас стал больше известен как ведущий популярной телевизионной передачи «Момент истины».

Две его книги вышли недавно. Одна за другой — с промежутком в два года. Это сборники политических диалогов «Вокруг Кремля». Под их обложками мирно соседствуют имена людей, жизнью разведенных навсегда. В книгах Андрей Караулов собрал свои беседы с людьми, имена которых знает не только Россия.

...Гейдар Алиев и Эрнст Неизвестный, Альберт Макашов и Галина Вишневская, Эдуард Шеварднадзе и Звиад Гамсахурдия, Станислав Куняев и Лазарь Каганович, Анатолий Лукьянов и Борис Ельцин, Виктор Гришин и Андрей Синявский, Юрий Чурбанов и Вадим Бакатин, Джохар Дудаев и Александр Яковлев...

Какие разные люди! Но они — современники Андрея Караулова, наши с вами современники. Потому и собрал их автор вместе, чтобы они, один за другим, каждый порознь рассказали нам о том, что менее всего известно нам — о нашей собственной стране, о скрытых страницах ее истории и о людях, делающих ее, эту историю.

Эти сборники — некая Книга нашего времени, некий портрет его. Независимо от того, какими глазами предстают перед нами собеседники автора, независимо от нашего к ним отношения.

Инициатором сегодняшнего интервью с Андреем Карауловым был я. Мне хотелось узнать, что остается за кадром передачи «Момент истины», что осталось пока невостребованным в памяти ее ведущего.

И вот мы сидим друг против друга. Между нами только бесстрастный диктофон. Я включаю его...

— Андрей, мне очень интересно познакомиться с вами, так сказать, очно. До сих пор я знал вас по вашим театральным рецензиям в «Огоньке» и «Независимой газете», по вашим интервью там же и, конечно же, был постоянным зрителем «Моментов истины». Благодарю вас за согласие дать интервью «Вечерней Москве». Так что начнем, пожалуй... Помните: «Штюбинг, как разведчик разведчику»... Итак, как журналист журналисту. Идет?

— Идет. Но прежде я скажу, что если бы не недавно прошедшая в «Вечерке» публикация не прошедшей в эфир нашей беседы с Андреем Макаровым, я бы на сегодняшнее интервью не согласился. Я не «звезда», уверяю вас, и даже не журналист — у меня другая профессия.

Однажды Алексей Иванович Аджубей сказал мне: «Странные вещи творятся на свете: журналисты стали давать интервью. Если мне нужно будет высказаться, я напишу сам, без интервьюеров».

И хотя «Вечерка» — газета, которую я изо дня в день читаю лет двадцать... Впрочем, задавайте вопросы.

— Спасибо. Мне тоже не часто приходится брать интервью у журналистов. Для начала я хотел бы спросить вас: как вы настраиваетесь на «Момент истины»? На то или иного собеседника?

— Никак. Я сажусь перед человеком и просто смотрю ему в глаза. Иногда я не знаю, с чего мы начнем и чем мы закончим.

— Но я обратил внимание, что на любую из ваших бесед вы приходите изрядно подготовленным. Вы знаете и прошлое, и сегодняшнее собеседника, к месту цитируете его слова, сказанные в разное время и в разных обстоятельствах.

— Это, простите, совсем другое дело. Мои помощники — а сейчас мне помогают многие журналисты — готовят какие-то справки. Иногда я ими пользуюсь, иногда не успеваю. Но, как правило, в наших беседах ответ рождается вопрос и так далее. Ведь то, что мы делаем на телевидении, — это не интервью, это, скорее, исповедь, разговор по душам. К разговору же по душам просто невозможно подготовиться. Он — это как бы опыт всей моей жизни и опыт всей жизни собеседника, которого я хочу показать. У меня цель одна — не вывести собеседника на чистую воду, не разоблачить, не допросить его, как пишут иные газеты. Боже сохрани! Я хочу показать его таким, какой он есть на самом деле. Все.

— По-моему, вы лукавите, Андрей. Вы же идете на встречу с заранее определенным о человеке мнением, с определенной позицией к нему. Вы выбираете себе собеседника, уже зная, ваш ли он единомышленник или нет.

— Я не лукавлю. Это не так. И я вам объясню. Во-первых, не всегда собеседника выбираю себе я сам. Есть интересы Российского телевидения, есть позиция его руководства. Мы вместе обсуждаем кандидатуры, советуемся и считаемся друг с другом. Поймите, я на телевидении — гость. Мне дают эфир. Спасибо!

— Ваш последний «Момент истины» с Николаем Павловым...

— Вспомните предпоследний съезд. На трибуну вышел Алкснис номер два. Астрей. И говорил он так же, как Алкснис. Без запятой. На едином порыве. Это не вошло в передачу: я спросил Павлова, слышал ли он когда-нибудь речи Гитлера? «Не слышал», — обижено ответил Павлов, — а вы что, меня и Гитлера ставите рядом?» — «Нет», — сказал я, — Гитлер был величайшим политическим демагогом. Такого другого в этом столетии уж точно не будет. Разве что Кастро... Гитлер мог пять часов подряд говорить без бумаги, и к пятому часу толпа, влимавшая ему, готова была идти за ним куда угодно...»

— Ну на трибуне этого съезда Павлову было нетрудно заслужить овации:

— Уверяю вас, к концу его выступления люди, которые ему верят, которые идут за ним, действительно становятся опасны. Они могут быть, скажем мягко, готовы на многое. Когда я услышал Павлова, мне стало жутковато. Я представил себе этого человека не за трибуну, а на улице, на митинге. Я понял, чем это может кончиться. И когда мне предложили его кандидатуру для «Момент истины», я тут же согласился.

— Обычно вы принимаете собеседников в домашней обстановке, а Павлова...

— Да, но есть люди, которых я не хочу пускать в свой дом.

— Какие «Моменты истины» не увидели зрителя? Конкретно, почему не вышла в эфир опубликованная нами беседа Караулов — Макаров?

— Это сложный вопрос. И вот почему. Я не профессионал. Например, снимаю я Невзорова. Снял. Мне говорят: «Старик, понижуся слабо. Вот тут, вот тут...» И я действительно вижу упущенные возможности. Так было с Невзоровым, с Янаевым.

Замечания были точны. Я верю людям, делающим их мне, дающим первую оценку моим беседам. Это не просто руководители телевидения, которым я многим обязан, в том числе и своим появлением на ТВ. Они меня не просто терпят, они меня и привели сюда. Это Лысенко и Попцов. После предательства, которые я часто ощущал на собственной шкуре, эти люди оказались благородны и честны. Потому-то их мнение я не считаю цензурой.

— А вас часто предавали?

— Да. Из-за предательства главного редактора

«Огонька» Виталия Алексеевича Коротина я и ушел из журнала. И только за то, что рассказал правду о положении в балете Большого театра. Это потом уже Коротин с сожалением где-то сказал, что из «Огонька» ушли Боровик, Караулов... Вот почему, когда Попцов или Лысенко говорят мне, скажем: «Беседа со Стерлиговым слаба, старик», я им верю.

— А «Момент истины» с Макаровым?

— Макаров говорил правду. А эта правда, как оказалось уважаемым, действительно уважаемым мною людям, в тот момент, накануне съезда, по их мнению, только бы подлила масла в огонь.

Мне передача была дорога, и я очень обрадовался, что ее могли прочесть в «Вечерке». Знаю: резонанс на публикацию был неоднозначен.

— Предлагали ли вы «ответное слово» Зорькину?

— Да. Еще бы! Сразу же после беседы с Шахраем (там впервые были процитированы слова Макарова о Зорькине) я позвонил в Конституционный суд. Но... как вы понимаете, до Зорькина теперь не дозвониться. Он взлетел так высоко, что звонок снизу ему не слышно. Он вообще ведет себя так, будто он уже президент. А потом, буквально через несколько дней, вышла «Вечерняя Москва», и, думаю, ваша публикация вообще отбила у Зорькина желание быть в «Моменте истины». Я дозвонился до его пресс-секретаря. Девушка — я даже в телефонной трубке почувствовал, как она надула губки, — говорит: «Не думаю, что после того, что вы позволили себе, Валерию Дмитриевичу встречаться с вами будет приятно».

Жаль. К Зорькину есть очень много вопросов. Но он в последнее время стал осторожнее.

— А с Руцким вы искали встречи?

— Большое интервью с Руцким есть в книге, а я теперь несколько раз предлагал ему встретиться. Но...

Я имел возможность наблюдать его близко, был с ним в одной поездке. Руцкой летел тогда в Афганистан, Пакистан и Иран. В Пакистане я стал свидетелем его встречи с нашим бывшим солдатом. Даже помню его имя — Николай Выродов. Так вот Хекматъяр говорит: «Господин Руцкой, если Выродов хочет ехать на родину, забирайте его с собой». Вот такой — как бы — гуманный жест сделал Хекматъяр. Выродов же с характерной бородкой сидит в мусульманской чалме и, с трудом подбирая слова, твердит: «Я в Россию не поеду. Я принял ислам, мне здесь хорошо, я скоро женюсь...» и т.д. и т.п. Руцкой, и особенно Иона Ионович Андронов, депутат, человек, которого я глубоко презираю... так вот

«МОМЕНТ ИСТИНЫ»

Андрея Караулова

этот Иона... трудно обойтись здесь без подбавляющих эпитетов, вовсе старались уговорить парня вернуться.

— Я могу предположить, каких эпитетов заслуживает Андронов...

— ...Надеюсь. Этот самый красноречивый Иуда Иудович известен давно. Простите, я отвлекусь и расскажу об одном случае. Однажды балет Большого театра поехал на гастроли в США. Оттуда корреспондент «Советской культуры» Авдеенко слал такие рецензии... Спокойно, успех. А на самом деле американские газеты и о спектаклях, и о постановщиках писали то, что читать было больно. Какой триумф! Какой успех! Провал. Мне хотелось получить истинные отклики на гастроли, и я передал тогдашнему корреспонденту АПН в США просьбу прислать их мне. О звонке из Москвы, о моей просьбе стало известно Григоровичу. И тут же, в одночасье, появился всегда появляющийся в нужный момент и всегда все знающий по характеру своей — наверное, второй службы — Иона Ионович, испытанный собор «Литературной газеты». А теперь... представьте себе только... этот Иона уже не открытой связью шлет телеграмму... Лигачеву и просит того разрешить ему, Ионе Андронову, написать, что «Огонек» собирает компромат на Большой театр. И это тем пикантнее, что статья моя даже еще не готова, она, как говорят, еще в чернильнице. Но разрешение на контрудар Иона Ионович уже на всякий случай запрашивает. Я потом спросил Лигачева: правда ли это? Он вспомнил и добавил, что был тогда изрядно удивлен — к нему по таким делам еще никто не обращался...

— ... Но вернемся в Пакистан.

— Да. Так вот этот самый Андронов твердит солдату: «Коля, милый, вернись к маме, к папе. Там у нас в стране сейчас такие экономические успехи, так здорово, такая жизнь пошла... демократия». А Коля, не поднимая головы, бубнит свое. Тогда Руцкой: «Ты, Николай, хоть матери напиши письмо. Она ж у меня рыдала в кабинете...» А потом Саша Бархатов, журналист телевидения, стал попытаться: «Коля, а ты против наших воевал, скажи?» И оказалось, что у него руки по локоть в крови. Наши солдаты крови. Какой, к черту, он пленный! Он предатель! «Я», — говорит Выродов, — воевал против врагов ислама». «Коля», — кричит Бархатов, — да ты же из-под Харькова, из махновской области. Какой ислам! Ты стрелял в своих ребят?» «Стрелял», — тихо соглашается Выродов. И тут вскричал Андронов: «Я протестую, я категорически протестую!» Как же так, какой-то там Саша Бархатов срывает Ионе Ионовичу такую выигрывающую акцию — возвращение на родину пленного в Афганистане солдата. Срывает такой успех...

...Дальше мы уже на аэродроме. Собираемся лететь в Афганистан, где Александра Владимировича ждет Наджибулла. Вдруг — бегут моджахеды Раббани. Если Хекматъяр сдал пленного, то и Раббани, его сопернику, нежеже отставать. «Мы», — говорит представитель Раббани, — возьмем сейчас из Пешавара одного пленного. Забирайте его с собой».

Руцкой задерживает вылет часа на четыре. Ждем. Привозят туркмена, о котором известно только, что он не говорит ни слова по-русски. Раб-

бани торжественно вручает его Руцкому. Хабибулла — так, кажется, его зовут — лихет руки Раббани, плачет, что-то говорит, а Руцкой богатырски раскрывает объятия, обнимает парня, «Не плачь, сынок! Завтра у маманьки будешь, у папаньки». И торжественно ведет его по ковровой дорожке в самолет. Кто-то из приближенных Руцкого вынимает из кармана кучу долларов, сует в руки парню — вроде как подъемные.

А у журналистов вопрос: как же так, парень служил в Советской Армии, а по-русски ни бум-бум. Садимся в самолет, летим: Хабибулла притих, съел котлету по-киевски. Саша Бархатов, включив камеру, берет у него интервью. «Хабибулла, когда тебя взяли в плен?». И тут «пленный» называет дату — на год позже того, как из Афганистана вышли наши войска. «Хабибулла, а у тебя когда-нибудь советский паспорт был?». Хабибулла, вытаращив глаза, отвечает переводчику: «Какой паспорт? Я же в Афганистане всю жизнь прожил. Я — афганский туркмен». Бог ты мой, мы вдруг понимаем, что на президентском самолете к несуществующим советским «маманьке» и «папаньке» наш вице-президент везет гражданина другого государства!

А в салоне у Руцкого идет, я извиняюсь, кир! Вице-президент вместе с Ионей Ионовичем Андроновым отмечают крупный успех по возвращению на Родину ее сыновей.

— Чем же закончилась эта история?

— Тихо закончилась. Прилетели в Кабул, стоим на летном поле, из самолета никто не выходит. С большим трудом сдали Хабибуллу в афганский Красный Крест.

В этих эпизодах с «пленными», с «маманькой» и «папанькой» весь Руцкой со товарищи. Для меня, во всяком случае. Нет, чтобы разобраться во всем, с МИ-Дом посоветоваться, документы заранее проверить... Так он — как саблей наголо.

— Но, Андрей, достаточно ли одного этого факта для столь жесткой характеристики?

— Почему одного? Расскажу о другом случае, о котором я узнал от Травкина.

Как известно, у Травкина с Руцким хорошие отношения. Более того, некоторые эксперты подсчитали, что, если Руцкой «пойдет в президенты» в связке с вице-президентом Травкиным, успех гарантирован.

Так вот. Травкин решил поехать в Волгоград, пригласили его туда на празднование годовщины Победы. Купил билет на рейс Аэрофлота. А вскоре встретил Руцкого: «Ты что, зачем взял билет? Я тоже лечу в Волгоград. Вместе на моем лайнере полетим».

Травкин билет сдал. Два дня до отлета. От Руцкого никаких сообщений. Тогда Травкин звонит ему. У телефона Краснов, помощник Руцкого: «Напомню Александру Владимировичу, он забыл. Николай Ильич, я звоню». Проходит еще два дня. Травкин опять звонит. Секретарша обрадовалась: «Ой, Николай Ильич, у Руцкого как раз сейчас никого, только Краснов, сейчас соединю». Потом, после паузы: «Николай Ильич, а Александр Владимирович уже уехал».

«Как же так, — говорю, — он же не мог пройти мимо вас».

«А, знаете, — отвечает, — он наверное, вышел через заднюю дверь». Вот так...

Позже выяснилось, что в эти самые дни у Руцкого наметилось некоторое сближение с Борисом Николаевичем. И кто-то из помощников, видно, говорит Руцкому: «Как же так, вы вроде бы с Ельциным наладили отношения и в этот момент берете в самолет его злейшего врага — Травкина»...

— Андрей, вперебивку вопрос из другой области. У вас много поклонников, сторонников. Но — я это слышу — некоторые упрекают вас в излишней резкости, некорректности с иными собеседниками, в том, что вы иногда не выбираете выражений.

— Это неверно. Я говорю по-русски. В русском языке много слов, и я выбираю те из них, которые наиболее точно соответствуют ситуации, поведению сидящего напротив человека. Я и в сегодняшнем нашем с вами интервью не сказал об Ионе Андронове десятой доли того, что думаю о нем. Я заставляю себя сдерживаться. Потому как то, что я делаю, — моя работа, и я должен доводить ее до конца.

— Но в вас все равно виден азарт охотника. Вы чувствуете, когда собеседник ослаб, допустил неточность, и вы, как боксер, идете на добивание.

— Нет, я не ишу добычи, я не охотник. Это мне когда-то Каганович говорил: «Я не хочу встречаться с журналистами, это добытчики».

— Вы приглашаете на «Момент истины» собеседника, у которого иные, нежели ваши, политические взгляды. Вы скрываете свое мнение о нем до встречи?

— Нет. Это было бы нечестно. Да и мои собеседники понимают, куда идут.

— Вам кто-либо отказывал во встрече?

— Я уже говорил — Зорькин. Очень честолюбив и способен на все.

— Когда Зорькин появился на большом политическом небосклоне, мнение о нем было другим. Такой тихий интеллигентный профессор...

— А мы всех поначалу принимаем благожелательно — это менталитет нашего народа. Потом начинаем приглядываться. Мы всех встречаем сразу хорошо. Плохо приняли только Козырева, о нем сейчас многие жалеют. Мы и Хасбулатова приняли чуть ли не на ура. А Руцкой? Носитель высшей офицерской чести... Если бы кто знал, как Зорькин заверил Бурбулиса в личной преданности накануне суда над КПСС...

— А разве Руцкой не клялся офицерской честью в преданности и верности президенту? Причем Президенту Ельцину. Похоже, что клясться и тут же отречься от своих слов стало традицией некоторых высокого ранга государственных мужей, какой-то их особой религией. Я читал, что Руцкой, кстати, вместе с президентской командой работал над указами, над текстом документов в тот памятный день 20 марта. А сейчас...

— ...Совершенно верно: Руцкому показали один из вариантов Указа Президента. Александр Владимирович взял карандаш и стал делать пометки. А через полчаса побежал, надел ластик и аккуратно начал стирать всю свою правочку. Чтоб не оставлять следов для истории. Руцкой присягал Президенту, а сейчас вот заявил, что ему, мол, ясно, что до 25 апреля он не найдет общего языка с Борисом Николаевичем. А после 25-го? Как карта ляжет?

— Зорькин, Руцкой, Хасбулатов... Криминалисты сказали бы, что очень уж схож почерк.

— Так иначе ведь и быть не может. Одна школа. Коммунистическая.

— У меня еще один вопрос из другой области. Как вы, театральный критик, кандидат искусствоведения, стали политиком?

— Когда меня вышибли из «Огонька», я, чтобы заработать и спокойно закончить книгу об Олеге Ивановиче Борисове, пришел в «Театральную жизнь» и предложил сделать серию интервью. Но все-таки главной моей профессией остается театроведение.

— Что, «Момент истины» — хобби?

— Конечно. Интересное и любимое мною.

— Этикие своеобразные дуэли?

— Нет, я не согласен с вами.

— А беседа с Павловым?

— Ну, тут была...

— Со Станкевичем?

— Просто так сложилось.

— Андрей, а кто, если не секрет, следующий собеседник по вашему плану?

— Да нет никакого плана. Время подскажет. Может быть, с Каданниковым, генеральным директором Волжского автомобильного завода.

— Почему именно с ним?

— Я чувствую, что за ним будущее. Может быть, даже политическое. Да ко всему, он мне интересен и как человек. Сейчас мы проживаем порой за месяц — год. Время тает. И личность, иногда мало заметная нам, вдруг становится масштабной фигурой, которую сразу хочется понять. Кто знает, кто кем станет через три месяца? Разве могли мы три месяца назад подумывать, что Черномырдин нам так понравится на Васильевском спуске?

— Вы можете делать прогнозы?

— Что вы, Анатолий Леонидович! Россия — это такая страна, в которой «ни небываемое бывает», как говорил когда-то Петр Великий.

Анатолий РУССОВСКИЙ.
Фото А. НАТРУСКИНА.